

Погода портилась. Дожди шли всё чаще, а в октябре в Анголе стоял сезон дождей — стоило им начаться, и остановить этот поток было невозможно, будто кто-то открыл кран. Часто шахтёрам приходилось работать под дождём целый день, а к ночи у кого-нибудь поднималась температура. Так заболел единственный среди них ребёнок. Его мать, стоя на коленях, умоляла Овчарку дать жаропонижающее, но мальчик не дожид до утра. На следующий день мать тоже нашли мёртвой в постели — она разбила голову о стену.

Се Цюци всё ещё думал, как бы заставить Овчарку отправить его с доставкой.

Он находил и несколько алмазов, правда, небольших, все меньше трёх карат. Первый попался в канаве, покрытый слоем грязи. Когда глину смыли, обнажился молочно-белый кристалл — с первого взгляда его можно было принять за обычный песчинку. Се Цюци не был уверен, настоящий ли он, и отдал камень Овчарке. Тот посветил на него ультрафиолетовой лампой и положил в маленькую железную коробочку.

После второго и третьего раза новизна прошла, но Се Цюци так и не завёл с Овчаркой ни одного серьёзного разговора. Очевидно, находить алмазы было мало — нужно было сделать что-то ещё, что не умели другие шахтёры. Например, Син Чжифэй умел проводить взрывные работы и отводить воду — вот что выделяло его из толпы и заставляло Овчарку смотреть на него иначе.

Ближе к обеду Се Цюци вдруг почувствовал, как изменилось течение.

Кто-то крикнул: «Прилив! Бегите!»

Се Цюци похолодел внутри и бросился к берегу. Русло реки было покрыто вязким илом, в котором и в обычные дни ноги вязли, а теперь он стал ещё тяжелее и цепче. Идти было трудно — грязь облепила ноги, словно вторые сапоги.

Чжэн Кэ стоял ближе к отмели, одной ногой уже на берегу, и протянул руку: «Давай, выбирайся!»

Се Цюци ухватился и наконец выбрался. Несколько старых шахтёров позвали их помочь с промывочным лотком. Штуковина была тяжёлой, мокрой и неудобной — еле-еле подняли её впятером.

Они уже поднялись на возвышенность, когда сзади донёсся крик: «Спасите! Помогите!»

Молодой шахтёр не успел выбраться, и вода понесла его к середине реки. Бурный поток в мгновение ока поднялся ему по пояс. Он выбросил инструменты, высоко подняв руку, в пальцах которой блеснул только что найденный алмаз: «У меня алмаз! Спасите! Спасите меня!»

Солдаты и шахтёры замерли в нерешительности. Прилив — дело серьёзное: волны мощные, вода поднимается с каждой секундой. Если человека унесёт, сопротивляться бесполезно. Умение плавать в такой ситуации не играет роли — всех сносит одинаково. А если уж унесёт, то найти вряд ли получится.

Но в руке у этого человека был алмаз, возможно, даже крупный, и это придавало спасению особую ценность.

Овчарка нервничал больше всех и рявкнул: «Все, спасайте его! И принесите мне этот алмаз!»

Никто не шелохнулся.

Вдруг по берегу промелькнула чья-то тень, схватившая два больших пластиковых бака для воды. Овчарка опешил: это был Се Цюци. Тот быстро опустошил баки, закупорил их и крепко связал верёвкой, а другой конец протянул Чжэн Кэ.

«Держи крепче», — сказал он, сбросил рубашку и, обхватив баки, нырнул в воду.

Чжэн Кэ хотел его остановить, но тот уже скрылся в брызгах. Сердце колотилось где-то в горле, он беспомощно топал ногами. Син Чжифэй, увидев это, позвал нескольких старых шахтёров помочь Чжэн Кэ тянуть верёвку. Напор воды был чудовищным — лишь всем вместе удавалось удержаться.

В воде Се Цюци продвигался медленно и с трудом. Его швыряло волнами, он то выныривал, то снова уходил под воду. Но пустые баки давали хорошую плавучесть, и, привязав их к руке, он хотя бы мог держаться на поверхности.

А тому, кто оказался в ловушке, приходилось куда хуже. Вода поднялась уже до груди, он едва ухватился за свисающую ветку, как сзади на него обрушилась волна — огромная, будто живой зверь, — и поглотила его вместе с веткой.

Чжэн Кэ побледнел и закричал: «Цюци! Вернись! Опасно!»

В ответ — лишь рёв воды. Се Цюци исчез. На поверхности оставались только пластиковые баки. Шахтёры смотрели на них, остолбенев.

Где он? Как его могло унести за секунду?

Чжэн Кэ, не раздумывая, рванулся в воду, но Син Чжифэй схватил его за руку и резко дёрнул: «Ты что, хочешь ещё одну жизнь погубить?»

Лицо Чжэн Кэ побелело. Руки были изрезаны грубой верёвкой, и вода, хлеставшая в раны, жгла огнём. Брызги волн хлестали по лицу, холодные, словно пощёчины, и он снова почувствовал то самое ощущение — будто Чжэн Шихуа снова держит его в кабинете под прицелом.

Они простояли так полминуты, но на воде не было ни малейшего движения. Напор воды усиливался, несколько старых шахтёров начали пошатываться, готовые отпустить верёвку. Чжэн Кэ стоял неподвижно. Син Чжифэй тоже не хотел сдаваться: «Подождём ещё, подождём».

Прошла почти минута. Глаза Чжэн Кэ налились кровью. Вдруг баки слегка погрузились — будто поплавок на удочке дрогнул, — а затем что-то сильно дёрнуло за верёвку, и Се Цюци вынырнул!

Он тащил за собой молодого шахтёра, который был без сознания. Привязав верёвку к его шее, он начал пробиваться к берегу.

Кто-то закричал от радости, и даже на лицах солдат проступили улыбки. Се Цюци выглядел измотанным и, едва выбравшись на берег, рухнул на землю, не в силах стоять. Син Чжифэй хотел помочь ему, но тот покачал головой и указал на утопленника — спасать того было важнее.

Но Овчарка раздвинул толпу, отстранил Чжэн Кэ, собиравшегося делать искусственное дыхание, и принялся шарить по рукам и рту шахтёра в поисках алмаза. Не найдя ничего, он спросил: «Где алмаз?» Убедившись, что камня нет, он с отвращением отшвырнул тело и объявил: «В следующий раз, если повторится, никто не полезет в воду спасать!»

Чжэн Кэ взорвался: «Это же человек! Если он умрёт, кто тебе будет копать твои чёртовы алмазы?»

Лицо Овчарки исказилось, и он потянулся за пистолетом. Но кто-то сзади тихо похлопал его по плечу, и маленький сверкающий камень упал ему в ладонь. Се Цюци не скрывал отвращения: «Твой алмаз».

Алмаз был невелик, но с розоватым оттенком и чистым блеском — сразу видно, что ценный. К тому же розовые бриллианты всегда ценились выше обычных, и даже такой небольшой камень для этого рудника был настоящим богатством.

Многие новички впервые видели розовый алмаз и тянули шеи, чтобы разглядеть его. Овчарка мгновенно сменил гнев на милость, и глаза его засветились.

Только Се Цюци направился прочь из толпы. Его окликнули, и он, раздражённо, обернулся.

Овчарка вертел алмаз в пальцах: «Храбрый. И смекалистый — додумался баки как спасательный круг использовать».

Се Цюци усмехнулся: «Я рыбак, у воды вырос. Утопленников, наверное, больше видел, чем ты мёртвых».

Овчарка пожал плечами: «Вернул мне алмаз — спасибо».

Се Цюци не стал ничего добавлять и прошёл мимо.

За ужином чернокожая женщина, раздававшая еду, вытащила из-за пазухи свёрток в промасленной бумаге и бросила его Се Цюци, улыбнувшись.

Внутри лежала половинка жареной курицы — видимо, так Овчарка выразил «благодарность».

Се Цюци разделил курицу с Чжэн Кэ, и они впервые за время в Африке поели мяса.

«Ждать не хочу, уйдём поскорее», — сказал Се Цюци.

Чжэн Кэ понял, что на него повлияло сегодняшнее происшествие: «А... получится?»

Се Цюци и сам не был уверен. Но как узнать, не попробовав? Оставаться здесь смысла не было. Даже если продержаться три года, в конце концов Чжэн Шихуа его казнит. Бегство давало хотя бы призрачный шанс.

«Надо придумать, как угнать машину. Заставим солдата отдать ключи и уедем», — так он рассуждал. «Поговорю со стариной Сином, может, найдём момент, когда солдат окажется один. Овчарка иногда на день-два отлучается — вот тогда и надо действовать, быстро. Я, ты и старина Син — втроём точно выберемся».

Чжэн Кэ сомневался насчёт Син Чжифэя. Возможно, из-за прошлых неудач он стал подозрительным. Незнакомец, появившийся неизвестно откуда, с которым знакомы всего несколько дней, — доверять ему свою жизнь? Как бы Се Цюци не стал жертвой.

<http://bllate.org/book/15957/1426778>